

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КАК ИНДИКАТОР ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ КУЛЬТУР ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПРИКАМЬЯ И ПРЕДУРАЛЬЯ

(Работа выполнена при поддержке РГНФ «Сравнительно-статистическая характеристика археологических культур Прикамья и Предуралья эпохи раннего железного века», проект № 16-31-00010)

© В.А. Иванов, А.С. Проценко

FUNERAL CEREMONY AS AN INDICATOR OF THE GENETIC CONTINUITY OF THE CULTURES OF THE EARLY IRON AGE IN THE KAMA RIVER AND THE CIS-URALS REGION

В статье приводятся результаты сравнительно-статистического анализа погребального обряда ананьинской, пьяноборской и карабызской культур. В качестве базы источников были взяты случайные выборки из 527 погребений ананьинской культуры, 532 погребений пьяноборской культуры и 581 погребения карабызской культуры. По законам математической статистики это дает нижний порог значимости каждого из признаков равный 0,7% при критерии вероятности равном 0,95. Значения коэффициента формально-типологического сходства (C_3) по 91 альтернативному признаку погребального обряда сравниваемых культур, расположенные в диапазоне 0,60 – 90,67, показывают, что эти культуры, без всякого сомнения, связаны между собой генетически. Однако формирование пьяноборской и карабызской культур, составлявших пьяноборскую этнокультурную общность, происходило не только на основе ананьинской культуры, но при участии какого-то другого этнокультурного компонента.

Ключевые слова: археология, ананьинская, пьяноборская, карабызская культуры, погребальный обряд, сравнительно-статистический анализ, статистическая выборка, коэффициент типологического сходства.

This paper presents the results of a comparative statistical analysis of the burial rite of the Ananyino, Piany Bor and Kara-Abyz cultures. As a source base the random samples were taken from 527 burials of the Ananyino culture, 532 burials of the Piany Bor culture and 581 burials of the Kara-Abyz culture. According to the laws of mathematical statistics, this gives a lower threshold for the significance of each of the features equal to 0.7% with a probability criterion of 0.95. The values of the coefficient formal typological similarity (C_3) on the basis of 91 alternative funeral ceremony compared crops situated in the range 0.60 - 90.67, show that these cultures without any doubt linked genetically. However, the formation of the Piany Bor and Kara-Abyz cultures, which comprised the Piany Bor ethnic-cultural community, occurred not only on the basis of the Ananyino culture, but with the participation of some other ethnic-cultural component also.

Keywords: archaeology, Ananyino, Piany Bor, Kara-Abyz cultures, funeral rite, comparative statistical analysis, statistical sampling, coefficient of typological similarity.

Культуры эпохи раннего железного века Прикамья и Предуралья – ананьинская, пьяноборская, карабызская, гляденовская – имеют такую длительную и насыщенную историю своего изучения (и соответствующую историографию), что, на первый взгляд, нерешенных проблем в их историческом понимании и интерпретации осталось немного. В первую очередь, это относится к генетической преемственности перечисленных

культур, в историческом контексте напрямую восходящей к проблеме этногенеза современных финно-пермских и восточно-финских народов региона. Еще в начале 1950-х годов А.П. Смирнов – один из основоположников научной археологии Урало-Поволжья – выдвинул идею о прямой генетической преемственности ананьинской и пьяноборской культур, определив последнюю как более позднюю стадию ананьинской культуры (Смирнов,

1952, с. 69). Эту концепцию поддержали О.Н. Бадер и В.А. Оборин, считавшие, что «ананьинская культура является первой, для которой устанавливаются конкретные и достаточно многочисленные связи с современными народами Прикамья, сохранившими в своей культуре эти еще ананьинские серты, перешедшие к ним через ряд промежуточных звеньев (выделено нами. – *Авт.*). Особенно ясно это прослеживается по некоторым элементам современных жилищ и старинной национальной одежды удмуртов и коми-пермяков» (Бадер, Оборин, 1958, с. 110). Такими «промежуточными звеньями» являлись, в частности, гляденовская, пьяноборская и карабызская культуры, по мнению названных исследователей, их коллег, учеников и последователей, являвшиеся прямым генетическим продолжением ананьинской культуры (Генинг, 1970, с. 170; Пшеничнюк, 1973, с. 225; Агеев, 1992, с. 106; Голдина, 1999, с. 209). К концу XX столетия в историографии культур эпохи раннего железного века сложилось такое видение проблем исторического взаимодействия их носителей, которое Б.Б. Агеев в одной из своих работ изложил предельно емко: «преемственность в развитии ананьинско-пьяноборских племен общепризнанна» (Агеев, 1992, с. 102). И действительно, идею о генетических связях носителей ананьинской, карабызской и пьяноборской культур проводят в своих исследованиях В.Ф. Генинг, А.Х. Халиков, Р.Д. Голдина, Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова, в тех или иных формулировках трактовавшие и трактующие карабызскую культуру как среднебельский (карабызский) вариант единой ананьинской культуры (Генинг, 1988, с. 62; Халиков, 2011, с. 41; Голдина, 1999, с. 245; Мажитов, Султанова, 2009, с. 86).

Следуя логике указанных построений, Р.Д. Голдина линию генетической преемственности пьяноборской и карабызской культур от ананьинской проводит дальше во времени. Карабызская культура, по ее мнению, это один из вариантов пьяноборской общности (Голдина, 1999, с. 242), а хронологически следующая за ней мазунинская культура – это поздняя стадия пьяноборской (чегандинской) (Голдина, 2004, с. 307–308).

Генетическая преемственность «пьяноборье – мазунино» едва ли может подвергаться сомнению. Тем более что она подтверждается и результатами сравнительно-типологического анализа погребального обряда пьяноборских и мазунинских могильников, проведенного разными исследователями в разные годы (Останина, 1997, с. 174; Белавин и др., 2009,

с. 67–68; Шмуратко, 2012, с. 29). Сложнее обстоит дело с вопросом о генетической связи по линии «ананьино – пьяноборье» и «ананьино – карабыз». И не только по тому, что его никто не проводил вообще, но и по тому, что долгое время (фактически до середины 1990-х гг.) характеристика погребального обряда ананьинской культуры давалась по материалам могильников, разбросанных в пространстве, небольших по объему, не всегда удовлетворительно опубликованных, а главное, относящихся, как это сейчас очевидно, к разным культурам, составлявшим ананьинскую культурно-историческую общность (АКИО). Поэтому, когда предшественники выделяли набор признаков, свидетельствующих, по их мнению, о генетической преемственности рассматриваемых культур, то к таковым они в первую очередь относили ориентировку погребенных ногами к реке, отсутствие в погребениях сосудов, форму и технику изготовления сосудов, ассортимент основных украшений костюма (височные подвески, поясные наборы, всевозможные бляшки, обоймицы и подвески) и, наконец, непрерывность остатков обеих культур как на поселениях, так и на могильниках (Генинг, 1988, с. 62; Халиков, 2011, с. 41; Агеев, 1992, с. 102).

В настоящее время ситуация с объемом источниковой базы по культурам эпохи раннего железного века Прикамья и Предуралья существенно изменилась. И прежде всего это относится к накоплению материала по погребальному обряду могильников ананьинской культуры шнуровой керамики (АКШК), увеличившегося в несколько раз, благодаря изысканиям С.Н. Коренюка в Пермском Прикамье в 1980-е – начале 1990-х годов. И сейчас нам известны данные по 550 погребениям АКШК (Ананьинский, Залазинский, Зуевский, Котловский, Луговской, Оханский, Першинский, Скородум и Таш-Елга могильники).

Еще более объемную источниковую базу мы имеем по погребальному обряду могильников пьяноборской и карабызской культур: пьяноборская культура – 2039 погр. (Кушулевский III, Юлдашевский, Новосасыкульский, Ошкинский, Уяндыкский, Чеганда II, Нырғында I и др.); карабызская – 1435 погр. (Биктимировский, Охлебининский, Шиповский, Уфимский).

Имеющийся объем источников позволяет дать суммарную характеристику и провести сравнительно-статистический анализ погребального обряда рассматриваемых куль-

тур с высокой степенью точности. Если взять могильники АКШК, то нижний порог представительности признаков обряда при критерии значимости (R), равном 0,95 будет равен 0,7%. Для пьяноборской и караабызской культур – еще ниже – 0,2% и 0,3% соответственно (Генинг и др., 1990, с. 64).

Поскольку наша задача в данный момент – дать сравнительно-статистическую характеристику погребального обряда АКШК, караабызской и пьяноборской культур с целью выявления степени их генетической преемственности, мы должны выбрать тот объем материала, который позволил бы получить максимально объективный результат. Самый надежный в этом отношении метод – сравнение *случайных статистических выборок*. А далее, дабы не вводить в ненужный искус тех коллег, которые сами либо подзабыли, либо не знают расшифровки этого понятия, данной основоположниками внедрения статистических методов в археологию, но пожелают выступить в роли критиков наших выводов, обратимся к первоисточникам. Г.А. Федоров-Давыдов: «Одним из основных понятий математической статистики является понятие «генеральная совокупность», представляющая собой модель источника данных. Применительно к археологии это понятие можно интерпретировать как совокупность объектов, объединенных какими-либо признаками или качествами, бывших в употреблении, обиходе, «бытовавших» в определенный период на определенной территории. Это «генеральная совокупность» предметов или явлений недоступна для полного изучения. Некоторое количество элементов этой совокупности превращается в археологический материал и образует *выборку* из генеральной совокупности. Выборку из этой выборки составляет тот археологический материал, который попал в поле зрения исследователя. Таким образом, археологи по выборке пытаются, используя методы и приемы математической статистики, судить о тех или иных свойствах генеральной совокупности.

Упрощенно говоря, генеральная совокупность – это то, из чего произведена выборка. Если выборка – могильник, то генеральная совокупность – все погребения того населения, которое хоронило на могильнике. Если выборка – сосуды из раскопанной части могильника, то генеральная совокупность – все сосуды могильника, но также и все сосуды населения, хоронившего в могильнике. Если выборка – клад монет, то генеральная сово-

купность – денежное обращение в момент зарытия клада, если выборка – ножи из определенного слоя данного раскопа в городе, то генеральная совокупность – все ножи в культурном слое города или все ножи, бывшие в употреблении в этом городе или в данном районе города в данный момент.

Для статистического исследования особенно важна и ценна *случайная выборка*. Если все элементы генеральной совокупности имеют одинаковые шансы попасть в выборку, то такую выборку мы называем случайной. Случайная выборка статистически отражает генеральную совокупность. Но при этом должны быть устранены все субъективные, неслучайные факторы образования выборки. Случайной выборкой из клада монет можно признать его часть, оставшуюся после хищения клада находчиками, в монетах не разбирающимися. Не является случайной выборкой часть клада, отобранная коллекционерами. Она отражает не столько состав клада, сколько интерес коллекционера...» (Федоров-Давыдов, 1987, с. 14–15).

В.Ф. Генинг: «В археологии существует мнение о том, что для решения каких-либо определенных проблем необходимо использовать как можно больше материала. Из этого вытекают упование и надежды на дальнейшее накопление материала. Однако часто дальнейшее накопление происходит достаточно успешно, а проблемы, несмотря на это, не решаются. Более того, сильное увеличение количества археологических объектов затрудняет их сравнение и обобщение. Работать с таким подчас огромным материалом становится трудно.

В тех случаях, когда накоплен большой объем археологического материала (порядка более 1000 единиц), возникает возможность работать с определенной выборкой из него. Причем для наиболее успешной работы выборка должна быть оптимальной: не столь малой, чтобы не считаться непредставительной, и не столь большой, чтобы не создавать для исследователя излишних трудностей при подготовке материала и работе с ним» (Генинг и др., 1990, с. 62–63).

Применительно к нашему материалу, генеральной совокупностью являются все известные погребения сравниваемых культур. Из них самой малой совокупностью являются погребения АКШК. Поэтому, чтобы приблизить ее к караабызской и пьяноборской, из последних двух были сделаны случайные выборки. Принцип их отбора соответствует

следующим требованиям: во-первых, территориальный охват¹ (рис. 1), во-вторых, представительность². Особо следует остановиться на 151 пьяноборском погребении Тарасовского могильника. Первоначально памятник вошел в историографию как один из поздних могильников мазунинской культуры (Останина, 1997, с. 20). Что касается пьяноборских погребений Тарасовского могильника, то Т.И. Останина трактует их как переходные между пьяноборской и мазунинской культурами (Останина, 1997, с. 176), а Р.Д. Голдина – как ранний, икский, этап чегандинской культуры (Голдина, 2004, с. 307). В нашем случае использование пьяноборских погребений Тарасовского могильника³ обеспечивает, в-третьих, и хронологический охват пьяноборского погребального обряда в целом в течение всего времени существования пьяноборской культуры.

Ассортимент и содержание признаков погребального обряда определяются исключительно теми сведениями, которые приводят исследователи памятников в своих научных отчетах или публикациях. Среди них объективными, то есть, с точки зрения археологического источниковедения, реально фиксируемыми являются тип и планиграфия могильника, способ захоронения, ориентировка и поза погребенного, детали ритуала, ассортимент погребального инвентаря. Некоторую настороженность вызывает такой морфологический признак погребального обряда, широко используемый ижевскими коллегами, как метрические параметры – длина, ширина, глубина – могильных ям. Подробно разбирать его мы здесь не будем, но отметим, что, с учетом почвенных условий Прикамского региона, он представляется нам несколько субъективным⁴. Впрочем, сами

мы в номенклатуру морфологических признаков обряда сравняемых культур включили такой метрический признак, как глубина захоронения. Возможно, он окажется каким-то образом действующим.

Суммарная характеристика погребального обряда АКШК, пьяноборской и карабызской культур по 90 представительным альтернативным признакам⁵ дана в табл. 1. Она вполне наглядна, поэтому не нуждается в пространных комментариях. За исключением, пожалуй, некоторых пунктов. Так, большинство погребений АКШК происходят из могильников, состоящих из не более чем 200 погребений (56,7%), тогда как в пьяноборской и карабызской культурах – из могильников, объемом более 200 погребений (78,7% и 88,4% соответственно). Рядами расположены 67% погребений АКШК, тогда как среди пьяноборских погребений четкая рядность фиксируется только в 6%, а среди карабызских таковых нет вообще. Зато 32,2% погребений АКШК и 29,7% пьяноборских погребений происходят из могильников или их участков, на которых захоронения расположены и рядами, и беспорядочно. И 64,3% пьяноборских и 100% карабызских погребений не обнаруживают какой-либо системы в своем расположении относительно друг друга.

По номинации *тип и глубина могильной ямы* абсолютно преобладают простые ямы, глубиной до 0,5 м (47% – АКШК, 68,2% – пьяноборских) или до 1 м (АКШК – 38,8%, пьяноборских – 29,7%, карабызских – 48%). На наш взгляд, это обусловлено тем, что над могилами возводились дополнительные насыпи или сооружались какие-то конструкции (деревянные?), следы которых до нас не дошли. Могилы глубиной до 1,5 м выделяются только на могильниках карабызской культуры (24,8%).

Способ захоронения, количество погребенных в могиле, их пол и поза определяются следующими признаками: там, где сохранились какие-то остатки костяков – это, безусловно, ингумация, причем индивидуальная. Парные и коллективные (3 и более костяков) захоронения выделяются только в АКШК (9,8% и 3,2% соответственно). Пол погребенного, по мнению исследователей памятников, определяется у 30,4% погребений АКШК,

применительно к основной массе погребений рассматриваемых культур – это исключение.

⁵ Напомним, что для сравняемых выборок нижний уровень представительности признака при критерии значимости 0,95 равен 0,7%.

¹ Могильники АКШК задействованы практически все за исключением Залазинского, 23 погребения которого не вошли в статистику по техническим причинам.

² Из пьяноборских могильников использованы данные из могильников Кушулевский III (48,7% исследованных погребений), Юлдашевский (61,8%), Чеганда II (50%), Ошкинский (100%).

³ По нашему мнению, Тарасовский могильник состоит из двух некрополей – пьяноборского в южной части и мазунинского в северной, разделенных между собой пустыми площадками в 10–20 м шириной.

⁴ Хотя исследователи Тарасовского могильника прослеживают устойчивую корреляцию размеров могильной ямы с половозрастной принадлежностью погребенного (Голдина и др., 2015, с. 13–14). Но,

60% – пьяноборских и 51,3% – караабызских. Среди них в караабызской выборке мужских, женских и детских погребений оказалось примерно поровну (16,3%; 18,5% и 16,5% соответственно), в пьяноборской – 20,1%; 25,7% и 15%, в АКШК – 29,6%; 8,6% и 6,6%. В могильниках АКШК и пьяноборских встречаются могилы, в которых кости погребенных просто не зафиксированы (15,5% и 9% соответственно). Что это такое – следствие геоморфологических условий региона или кенотафы – мы пока объяснить затрудняемся.

Поза погребенных стандартная – на спине с вытянутыми конечностями, хотя в пьяноборских погребениях выделяются такие, у которых кисть одной или обеих рук уложены на тазе (5,6% и 6,4%).

Ориентировка погребенных по азимуту самая разнообразная, однако, когда мы скоррелировали ее с ориентировкой *относительно реки*, обнаружилась некоторая закономерность: в АКШК и караабызской культурах абсолютно доминирует ориентировка ногами к реке (51,9% и 75,6% соответственно), в пьяноборской культуре – головой к реке (67,6%). Кроме того, в АКШК и пьяноборской культурах выделяется группа погребений, ориентированных вдоль по течению реки (17,9% и 15,9% соответственно).

Среди *деталей ритуала* выделяются только размещение костей животных в изголо-

вье могилы (33% караабызских погребений), помещение глиняного сосуда в изголовье могилы (27,5% погребений АКШК и 9,3% – караабызских), помещение глиняного сосуда у ног погребенного (20,1% караабызских погребений) и наличие в заполнении могилы кусков угля (11,7% погребений АКШК).

Ассортимент погребального инвентаря никаких особых неожиданностей не приносит. В погребениях АКШК это бронзовые наконечники стрел, копье и кельт – из предметов вооружения; спиральные пронизки, круглые литые бляшки сферической формы, бронзовые нашивки – из предметов убранства костюма; нож – из предметов хозяйственного обихода. Для пьяноборской культуры, соответственно, железные и костяные наконечники стрел; поясные накладки, эполетообразные застежки, витые, с трубицей и листовидные подвески, круглые бляшки, обоймы, застежки-сюльгамы, украшения обуви, нож в ножнах. Для караабызской культуры – удила, железные наконечники стрел, кинжал (боевой нож), копье; поясные накладки (в том числе – зооморфные), поясные застежки-бляхи, трапецевидные подвески, перстни, «портупей» с обоймами, медные нашивки, бляхи-зеркала, нож, оселок и пряслице.

Таблица 1 Суммарная характеристика погребального обряда культур Прикамья и Предуралья эпохи РЖВ (в %%)

№	Признак	Тенденция признака		
		АКШК	Караабыз	Пьяноборье
Тип, объем и топография могильников				
1	бескурганный	100	100	100
2	от 10 до 50 погр.	8,8	-	6,0
3	более 50 погр.	56,7	-	15,2
4	более 200 погр.	38,5	88,4	78,7
5	расположение могил: рядами	67,0	-	6,0
6	смешанное	32,2	-	29,7
7	бессистемное	-	100	64,2
Тип и глубина могильной ямы				
8	простая	69,0	99,8	95,6
9	стенки обложены камнем	-	14,0	-
10	до 0,5 м	47,0	25,3	68,2
11	до 1 м	38,8	48,0	29,7
12	1-1,5 м	8,6	2,5	1,3
13	не установлена	16,4	1,2	3,4
Тип захоронения, количество погребенных в могиле, их пол и поза				
14	ингумация	94,1	98,0	91,1

15	костей нет	15,5	-	9,0
16	один	81,5	98,0	89,2
17	два	5,6	-	3,0
18	три и более	3,2	-	-
19	Мужской	29,6	16,3	20,1
20	женский	8,6	18,5	25,7
21	ребенок	6,6	16,5	15,0
22	не установлен	52,6	21,0	37,4
23	вытянуто на спине	50,1	76,3	69,3
24	руки вытянуты	12,0	1,8	5,4
25	кисти на груди	-	-	0,7
26	одна на тазе	1,5	-	5,6
27	обе на тазе	1,1	-	6,4
28	поза не установлена	48,6	21,0	29,9
Ориентировка погребенных: по азимуту и относительно реки				
29	север	19,0	8,6	25,9
30	юг	3,6	3,2	8,2
31	восток	3,4	1,1	33,2
32	запад	8,8	11,0	3,2
33	северо-восток	6,2	7,4	12,9
34	северо-запад	25,4	38,5	2,4
35	юго-восток	5,2	8,1	4,3
36	юго-запад	8,6	-	0,7
37	не установлена	19,8	22,1	9,2
38	головой к реке	8,6	1,5	67,6
39	ногами к реке	51,8	75,6	6,4
40	вдоль по течению реки	17,9	-	15,9
Детали ритуала				
41	дощатая рама	2,2	-	-
42	дощатый настил	2,2	9,0	5,6
43	завернут в бересту	3,0	-	-
44	кости животных в изголовье	3,0	33,0	-
45	кости животных у ног	3,2	3,7	-
46	глиняный сосуд в изголовье	27,5	9,3	1,1
47	глиняный сосуд у ног	3,2	20,1	-
48	жертвенный комплекс у ног	-	-	1,7
49	жертвенный комплекс в изголовье	-	-	4,1
50	угли в могиле	11,7	-	-
Ассортимент погребального инвентаря				
51	удила	-	13,0	3,5
52	псалии	-	3,9	0,9-
53	стрелы жел.	0,7	19,2	7,5
54	стрелы бронзовые	9,0	7,8	0,7
55	стрелы кост.	4,3	5,9	13,1
56	кинжал/меч	1,7	8,2	3,9
57	копье	10,5	16,2	5,0
58	кельт/топор	21,9	1,3	-
59	топорик-чекан	0,7	-	-
60	накладки ремня зооморфные	-	4,4	-
61	поясные накладки	-	19,2	14,3
62	наконечник пояса	-	10,9	1,3

63	эполетообразная застежка	-	-	6,0
64	поясная пряжка	-	26,7	22,7
65	пояс целый	-	2,2	1,8
66	портупея	-	2,5	-
67	подвески трапецевидные	-	13,8	1,1
68	витая височная подвеска	1,1	2,4	24,0
69	височная подвеска с трубицей или литая	-	-	7,7
70	подвеска листовидная	-	-	4,5
71	серьга-кольцо	2,4	-	2,6
72	перстень	1,5	10,2	4,3
73	браслет	1,7	1,8	3,7
74	гривна	3,4	3,5	3,2
75	1-5 бусин	1,7	18,5	10,7
76	ожерелье из бус	1,8	18,0	17,1
77	пронизки спиральные	5,8	2,7	4,7
78	обоймы	2,2	30,8	8,6
79	бляха литая круглая	13,9	5,5	18,4
80	бляха с умбоном	-	1,3	0,7
81	бляхи-зеркала	-	12,0	-
82	нашивки медн. / мелкие круглые бляшки	10,5	22,0	5,4
83	фибула	-	-	1,8
84	сюльгама	-	-	4,1
85	украшения обуви: пряжки, накл.	-	-	9,4
Бытовые вещи				
86	нож	15,0	43,0	22,7
87	ножны	-	-	3,4
88	шило	0,9	3,0	1,8
89	оселок	1,3	4,7	-
90	пряслице	1,1	13,1	-
91	без вещей	37,0	12,5	24,8
Всего погребений:		527	581	532

Значения коэффициента формально-типологического сходства (C_3), подсчитанные по 91 альтернативному представительному признаку, показывают: АКШК – карабызская культура $C_3 = 0,65$; АКШК – пьяноборская культура $C_3 = 0,67$; караабазская – пьяноборская $C_3 = 0,60$.

Следует отметить, что наши результаты заметно отличаются от результатов подсчета коэффициента типологического сходства ананьинских и пьяноборских могильников, полученных в свое время О.А. Арматынской на материалах Зуевского, Котловского и Луговского могильников (Арматынская, 1991, с. 101). Объясняется это, на наш взгляд, тем, что исследователь имела в своем распоряжении вдвое меньшую по объему источниковую базу⁶, а кроме того, была вынуждена пользо-

ваться весьма поверхностно представленными эмпирическими данными исследователей этих памятников. Поэтому, конечно, некоторые данные о степени представительности тех или иных признаков погребального обряда ананьинских могильников, приведенные О.А. Арматынской, вызывают некоторое недоумение. Так, в погребениях перечисленных выше могильников глиняные сосуды встречаются гораздо чаще: 32,9% против 12,1% у О.А. Арматынской, а следы огня и кости животных – значительно реже (4,6% и 14,5% против 27,7% и 24,9% соответственно). Ориентировку погребенных исследователь освещает только по двум азимутам: северная (41,1%) и западная (49,2%). Здесь тоже не все ясно: северная ориентировка фиксируется только в 25,1% погребений указанных могильников,

⁶ В общей сложности 278 погребений, которые действительно могут идентифицироваться как

ананьинские.

чисто западной нет вообще, зато есть северо-западная (36,3%) и юго-западная (2,8%).

Поэтому, как и наши предшественники, мы также считаем, что рассматриваемые культуры являли собой культурно-историческую общность. Правда, в отличие от Р.Д. Голдиной, мы не считаем, что в течение тысячелетия (начиная с ананьинского времени) она развивалась гомогенно (Голдина, 2004, с.308). Наглядное тому свидетельство – результаты анализа тенденции признаков погребального обряда АКШК, пьяноборской и карабызской культур. «Важным результатом сравнительного анализа является возможность группировки признаков, а вместе с этим выявление общих и особенных черт каждой выборки. В процессе этой процедуры как бы происходит конкре-

тизация результатов сравнительного анализа, нашедших отражение в определенном общем показателе, осуществляется переход от чисто формального анализа к качественному (выделено нами. – *Авт.*). Появляется возможность определить, какие отдельные признаки повлияли на степень сходства, в чем заключается конкретное сходство и отличие выборок. Здесь уже возможен групповой, а не только парный анализ выборок.

Аналізу распределения признаков в отдельной выборке помогает вычисление *тенденции признака...*» (Генинг и др., 1990, с. 85). Результаты выявления тенденции признаков погребального обряда в рассматриваемых выборках приведены в табл. 2.

Таблица 2 Норма распределения и тенденция признаков погребального обряда культур эпохи раннего железного века Прикамья и Предуралья

№	признак	Норма распределения	Тенденция признака		
			АКШК	карабыз	пьяноборье
Тип, объем и топография могильников					
1	бескурганный	100	1	1	1
2	от 10 до 50 погр.	2,9	-	-	2,06
3	более 50 погр.	24	2,3	-	0,6
4	более 200 погр.	68,5	0,56	1,3	1,15
5	расположение могил: рядами	24,3	2,7	-	0,24
6	смешанное	20,6	1,58	-	1,4
7	бессистемное	54,7	-	1,8	1,2
Тип и глубина могильной ямы					
8	простая	88,1	0,78	1,13	1
9	стенки обложены камнем	4,6	-	3,04	-
10	до 0,5 м	46,8	1,04	0,54	1,4
11	до 1 м	38,3	0,99	1,2	0,7
12	1-1,5 м	4,1	2,09	0,6	0,3
13	не установлена	7,0	2,3	0,17	0,48
Тип захоронения, количество погребенных в могиле, их пол и поза					
14	ингумация	94,4	0,99	1,04	0,96
15	костей нет	8,16	1,9	-	1,1
16	один	89,5	0,91	1,09	0,99
17	два	2,8	2,0	-	1,07
18	три и более	1,06	3,0	-	-
19	Мужской	22	1,3	0,74	0,91
20	женский	17,6	0,48	1,05	1,46
21	ребенок	12,7	0,52	1,3	1,18
22	не установлен	37,0	1,4	0,56	1,0
23	вытянуто на спине	65,3	0,76	1,16	1,06
24	руки вытянуты	6,3	1,9	0,28	0,85
25	кисти на груди	0,23	-	-	3

26	одна на тазе	2,3	0,65	-	2,4
27	обе на тазе	2,5	0,44	-	2,5
28	поза не установлена	33,1	1,4	0,6	0,9
Ориентировка погребенных: по азимуту и относительно реки					
29	север	17,8	1,06	0,48	1,45
30	юг	5	0,7	0,64	1,64
31	восток	12,5	0,27	0,09	2,65
32	запад	7,6	1,15	1,44	0,42
33	северо-восток	8,8	0,7	0,84	1,46
34	северо-запад	22,1	1,1	1,7	0,1
35	юго-восток	5,9	0,9	1,4	0,7
36	юго-запад	3,1	2,77	-	0,22
37	не установлена	17,03	1,16	1,29	0,54
38	головой к реке	25,9	0,33	0,05	2,6
39	ногами к реке	44,6	1,16	1,69	0,14
40	вдоль по течению реки	11,3	1,58	-	1,41
Детали ритуала					
41	дощатая рама	0,7	3	-	-
42	дощатый настил	5,6	0,4	1,6	1
43	завернут в бересту	1,0	3	-	-
44	кости животных в изголовье	12,0	0,25	2,75	-
45	кости животных у ног	2,3	1,4	1,6	-
46	глиняный сосуд в изголовье	12,6	2,18	0,73	0,08
47	глиняный сосуд у ног	7,8	0,4	2,6	-
48	жертвенный комплекс у ног	0,56	-	-	3
49	жертвенный комплекс в изголовье	1,3	-	-	3
50	угли в могиле	3,9	3	-	-
Ассортимент погребального инвентаря					
51	удила	5,5	-	2,4	0,6
52	псалии	1,6	-	2,4	0,56
53	стрелы жел.	8,4	-	2,1	0,9
54	стрелы бронзовые	5,8	1,55	1,3	0,12
55	стрелы кост.	7,7	0,5	0,8	1,7
56	кинжал/меч	4,6	0,3	1,8	0,9
57	копье	10,5	0,9	1,5	0,5
58	кельт/топор	7,7	2,8	0,17	-
59	топорик-чекан	0,23	3	-	-
60	накладки ремня зооморфные	1,5	-	2,9	-
61	поясные накладки	11,1	-	1,7	1,3
62	наконечник пояса	4,07	-	2,7	0,3
63	эполетообразная застежка	2	-	-	3
64	поясная пряжка	16,5	-	1,6	1,4
65	пояс целый	1,3	-	1,7	1,4

66	портупея	0,8	-	3	-
67	подвески трапецевидные	4,9	-	2,8	0,2
68	витая височная подвеска	9,2	0,1	0,3	2,6
69	височная подвеска с трубицей или литая	4,07	-	-	3
70	подвеска листовидная	1,5	-	-	3
71	серьга-кольцо	1,6	<i>1,5</i>	-	<i>1,6</i>
72	перстень	5,3	0,3	1,9	0,8
73	браслет	2,4	0,7	0,75	1,5
74	гривна	3,4	1	1	0,9
75	1-5 бусин	10,3	0,2	<i>1,8</i>	<i>1,04</i>
76	ожерелье из бус	12,3	0,1	<i>1,5</i>	<i>1,4</i>
77	пронизки спиральные	4,4	<i>1,3</i>	0,6	<i>1,06</i>
78	обоймы	13,9	0,1	2,2	0,6
79	бляха литая круглая	12,6	<i>1,1</i>	0,4	<i>1,5</i>
80	бляха с умбоном	0,66	-	<i>1,9</i>	<i>1,06</i>
81	бляхи-зеркала	4	-	3	-
82	нашивки медн. / мелкие круглые бляшки	12,6	0,8	1,7	0,4
83	фибула	0,6	-	-	3
84	сюльгама	1,3	-	-	3
85	украшения обуви: пряжки, накл.	3,1	-	-	3
Бытовые вещи					
86	нож	26,9	0,5	1,6	0,8
87	ножны	1,1	-	-	3
88	шило	1,6	-	<i>1,87</i>	<i>1,12</i>
89	оселок	2	0,65	2,35	-
90	пряслице	4,7	0,2	2,8	-
91	без вещей	24,8	<i>1,5</i>	0,5	<i>1</i>
Всего погребений:			527	581	532

По частоте своей встречаемости в сравниваемых выборках признаки разделяются на *общие*, обнаруживающие близкую к норме или повышенную тенденцию во всех трех выборках; *локальные*, обнаруживающие повышенную тенденцию в двух из трех сравниваемых выборок, и *частные*, обнаруживающие повышенную тенденцию встречаемости в какой-то одной из выборок. К *первым* относятся⁷: бескурганый тип могильников, ингумация как способ захоронения, одно захоронение в могиле, гривна в составе украшений.

Ко *вторым*⁸ – погребения, находящиеся в крупных (более 200 погр.) могильниках,

их смешанное или бессистемное расположение, простая могила глубиной до 50 см или до 1 м, распределение погребенных по полу, ориентировка их по азимуту или относительно реки, дощатый настил на дне могилы и др.

К *третьим*, которые можно трактовать как *этнографические* для каждой из культур⁹, относятся: **АКШК** – преобладание сравнительно небольших – не менее 50, но не более 200 погребений – могильников, расположение могил рядами, три и более погребенных в одной могиле, захоронения в относительно глубоких ямах, невозможность проследить их конструкцию¹⁰, остатки деревянных рам и

⁷ Выделены полужирным шрифтом.

⁸ Выделены курсивом.

⁹ Выделены полужирным курсивом.

¹⁰ Что, по-видимому, обусловлено как почвенными

берестяной обертки погребенного, помещенные сосуда в изголовье и наличие угля в могиле, из вещей – кельт. Пьяноборская – заметная доля погребений из небольших – не более 50 погребений – могильников, кисти рук на груди или на тазе, южная, восточная и юго-восточная ориентировка погребенных, что означает их ориентировку головой к реке, жертвенный (по Р.Д. Голдиной – подарочный) комплекс в ногах или изголовье могилы, костяные наконечники стрел, эполетообразная застежка, височные подвески, браслет, фибула и сьюлгамма. Караабызская – укрепление стенок могилы камнем, кости животных в изголовье, сосуд у ног, удила с псалиями, железные наконечники стрел, кинжал, зооморфные поясные накладки, «портупея», трапецевидные подвески, перстни и др. (табл. 2).

Среди последних, конечно, наиболее важны признаки, отражающие те или иные детали погребального обряда, которые можно проследить археологически, и которые позволяют проследить этнокультурную динамику населения, оставившего сравниваемые могильники.

Если учесть, что большинство локальных и частных признаков оказываются таковыми *по тенденции*, то есть, присутствуют во всех сравниваемых выборках, но с разной частотой встречаемости, наличие между ними

генетической связи несомненно. Другое дело, что значения коэффициентов этой связи не дают нам оснований разделить точку зрения Р.Д. Голдиной о спокойном и плавном развитии культуры местного населения вплоть до V в. н.э., исключавшим смену общественно-экономического уклада или населения в регионе (Голдина, 2004, с. 308). Во-первых, этот «идиллический» вариант этнокультурного развития населения Прикамья и Предуралья в эпоху раннего железного века сложился в результате «коллекционерского отбора» признаков¹¹, проведенного исследователями и аналитиками Тарасовского могильника (Голдина и др., 2015, с. 53–60). Во-вторых, анализ **действительно случайной выборки** показывает, что какие-то инокультурные (иноэтничные?) импульсы извне население региона начинает испытывать уже во второй половине I тыс. до н.э. Результатом этого явилось завершение истории АКШК и начало формирования караабызской, а следом за ней и пьяноборской культур. Потомки носителей АКШК в этом процессе не могли не участвовать, но, очевидно, только в качестве субстрата. Во всяком случае, рассматривать их как единственную этногенетическую основу «караабызцев» и «пьяноборцев» теперь уже заведомо неверно.

ЛИТЕРАТУРА

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992. 140 с.

Арма́тынская О.А. Особенности погребальных традиций населения Камско-Бельского междуречья в эпоху железного века (конец IV в. до н.э. – V в. н.э.) // *Материалы по погребальному обряду удмуртов* / Отв. ред. М.Г. Иванова, Н.И. Шутова. Ижевск, 1991. С. 92–104.

Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958. 244 с.

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: Издат. дом БГПУ, 2009. 262 с.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Часть I. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) // ВАУ. Вып. 10. Свердловск, 1970. 223 с.

Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н. э. – II в. н. э.) / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. М.: Наука, 1988. 240 с., ил.

Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев : Наукова думка, 1990. 304 с.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск. Издат. дом «Удмуртский университет», 1999. 464 с.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник на Средней Каме. Т. I. Ижевск: Удмуртия, 2004. 318 с.

условиями, так и качеством методики производимых раскопок. Нравится нам это или нет, но это объективная реальность.

¹¹ См. цитату из Г.А.Федорова-Давыдова. Но анализ методики анализа погребальных памятников, применяемой ижевскими коллегами, и полученных ими результатов – это тема отдельной работы.

- Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М.* Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Т. III. Казань; Ижевск, 2015. 297 с.
- Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* История Башкортостана. Древность. Средневековье. Уфа: Китап, 2009. 496 с.
- Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. / Отв. ред. В.В. Седов. Ижевск: Удм. ИИЯЛ УрО РАН, 1997. 326 с.
- Пиеничнюк А.Х.* Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. V. Уфа, 1973. С. 162–243.
- Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. 1952. № 28. 274 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Статистические методы в археологии: Учеб. пособие для вузов по спец. «История». М.: Высшая. школа., 1987. 216 с.
- Халиков А.Х.* Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья / Отв. ред. С.В. Кузьминых, Ф.Ш. Хузин. Казань: ООО «Фолиант». Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. 336 с.
- Шмуратко Д.В.* Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье в контексте культурно-исторических процессов эпохи Великого переселения народов (статистический анализ погребальных комплексов). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2012. 32 с.

Информация об авторах:

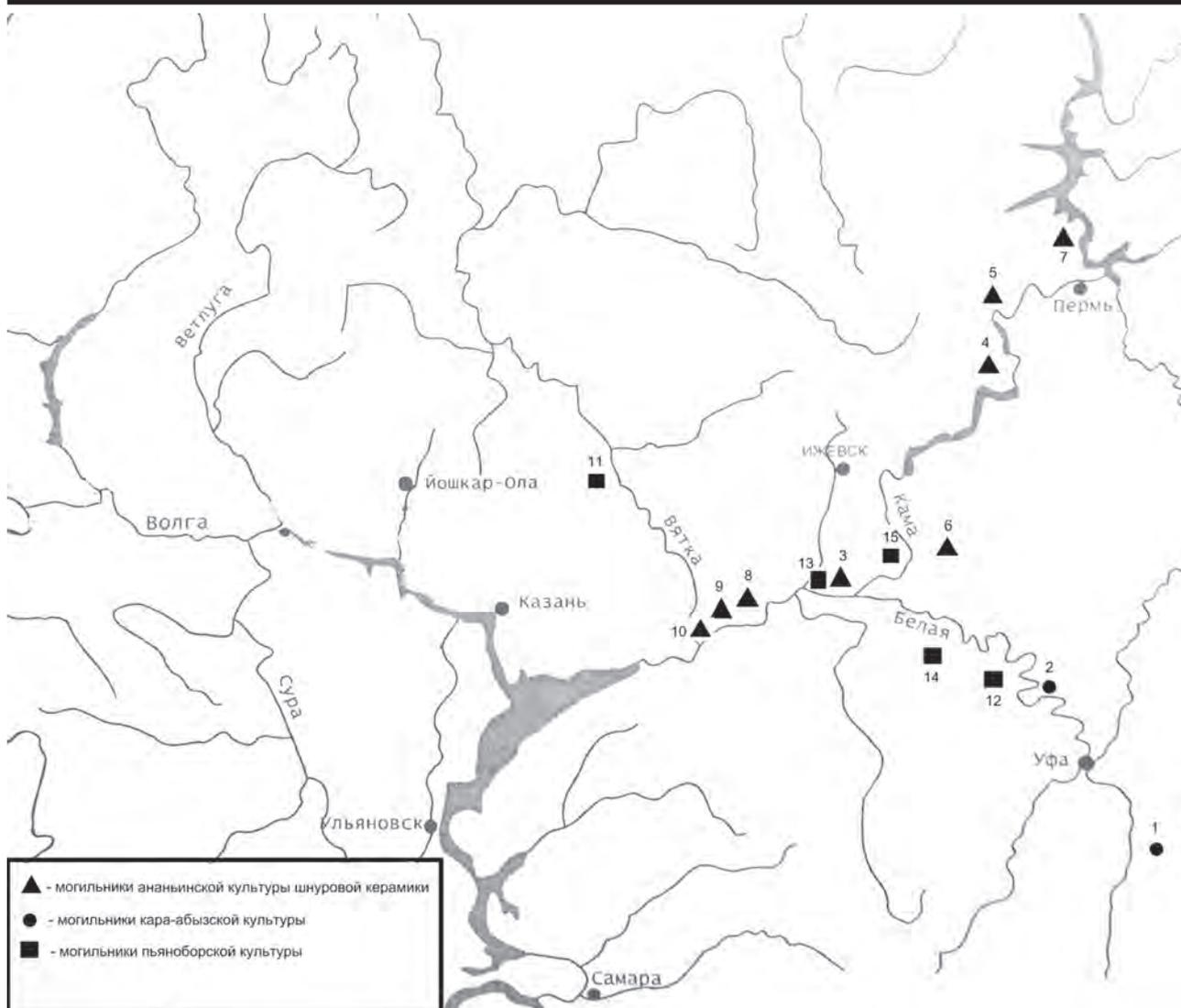
Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа, Российская Федерация); ivanov-sanych@inbox.ru

Проценко Антон Сергеевич, аспирант кафедры Всеобщей истории и культурного наследия, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа, Российская Федерация); anton.procenko@mail.ru

About the Authors:

Ivanov Vladimir A., Doctor of Historical Sciences, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah. Oktyabrskoy Relolyutsii St., 3a, building 1, Ufa, 450000, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; ivanov-sanych@inbox.ru, ivanov-sanych@rambler.ru

Protsenko Anton S., Postgraduate, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah. Oktyabrskoy Relolyutsii St., 3a, building 1, Ufa, 450000, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; anton.procenko@mail.ru.

Рис. 1. Карта могильников ананьинской (АКШК), пьяноборской и караабызской культур, из которых была сделана выборка для анализа.

1 – Охлебининский; 2 – Биктимировские; 3 – Зуевский; 4 – Оханский; 5 – Першинский; 6 – Таи-Елгинский; 7 – Скородумский; 8 – Луговской; 9 – Ананьинский; 10 – Котловский; 11 – Ошкинский; 12 – Кушулевский III; 13 – Чеганда II; 14 – Юлдашевский; 15 – Тарасовский.